

Моя жизнь в Алатыре

Фрагменты воспоминаний известного ульяновского краеведа Александра Николаевича Блохинцева

Я родился в селе Иваньково Алатырского уезда. В 1914 году наша семья переехала в г. Алатырь, где отец поступил работать смотрителем (завхозом) Алатырской земской больницы. Семья была большая, своего дома не было, жили по квартирам. По рассказам мамы и сестер, весь заработок отца уходил на питание. Одевались кое-как, было лишь самое необходимое.

Ул. Ленина (бывшая Симбирская)

Помню, весной 1917 года, когда мне было пять лет, отец взял меня с собой в центр города, на площадь к памятнику «освободителя» Александра II. Памятник на этот раз имел странный вид. Веревки, привязанные к шее царя, опускались к ограде памятника, образуя собой пирамиду. К этим веревкам, а их было много, были подвешены портреты членов царской фамилии и прочие атрибуты царизма – изображения царской короны, царских вензелей и т.п. Всего этого висело довольно много и закрывало почти полностью черную скульптуру царя. Мы оба стояли и смотрели. Вид этой картины хорошо сохранился в моей памяти. А много позже от кого-то из взрослых я узнал, что вся эта пирамида с атрибутами царизма была сожжена, после чего памятник был свергнут с пьедестала. Потом оказалось, что бронзовая фигура царя была завезена во двор дома, стоявшего напротив бывшего памятника. В доме же этого двора в 1928 – 1929 годы находилась химическая лаборатория нашей школы второй ступени имени Красина. Во время перемен

между уроками мы, ребята, сживали на этой скульптуре, нагретой солнцем.

Рядом с казенным больничным домом на Симбирской улице (ныне ул. Ленина), где мы одно время жили, прямо против больницы, южнее его был большой кирпичный дом, в котором жила семья главного врача больницы – Николая Иосифовича Сульдина. Дом Сульдиных мне запомнился потому, что в нем я впервые увидел огромный блестящий черный рояль. Потом, как-то зимой, у этого же дома мне также впервые довелось увидеть спортивные лыжи, на которых молодые Сульдины готовились на прогулку. Запомнился мне ярко-белый, залитый солнцем снег и на нем красно-коричневые, блестящие лаком узкие и такие красивые лыжи. И еще эти тонкие палки с кольцами внизу... Ужасно интересно! Оказывается, есть совсем другой мир... И еще дом Сульдиных был примечателен тем, что в нем впервые на нашей улице появился электрический свет. Когда

это было, сказать затрудняюсь. Может быть, в 1916-1917 годах. К дому Сульдиных стекались толпы народа смотреть на это «чудо». Это я знаю по неоднократным рассказам мамы. «Стеклянный пузырь и без «карасина», а светит. Как же так?» - недоумевали жители. Это просто не укладывалось в голове.

Мне хорошо запомнился неоднократно рассказанный мамой эпизод. Как-то в 1918 году приходит отец домой и говорит: «Ну, мать, и чудеса!» «Что такое, Николай Николаевич?» - мама всегда звала отца на «Вы» и по имени и отчеству. «И не толкуй, собери-ка чего-либо поесть». А сам сел за стол в состоянии сильной задумчивости. Мама встревожилась – уж не случилось ли что, и донимает его вопросами. Тогда, после долгой паузы, посмотрев маме прямо в глаза, отец сказал: «Москву я слушал!» - «Да что вы, Николай Николаевич, окстились бы. Как же это можно?!» - «А вот так и можно!» И отец рассказал, как он с одним знакомым пришел к человеку, а у того «ящичек такой, а от него провод идет к железяке. Наденешь эту железяку на голову, а у той железяки такие штуки. Приложишь их к ушам и слышишь: пии, пии, пии, а потом и слова слышишь. Вот так я слушал Москву». Оказалось, что в Алатырь возвратился со службы матрос-балтиец с какого-то крейсера. Будучи знаком с радиотехникой, наладил он прием Московского радио. И воспринималось это как чудо, не меньшее, чем «пузырь без карасина».

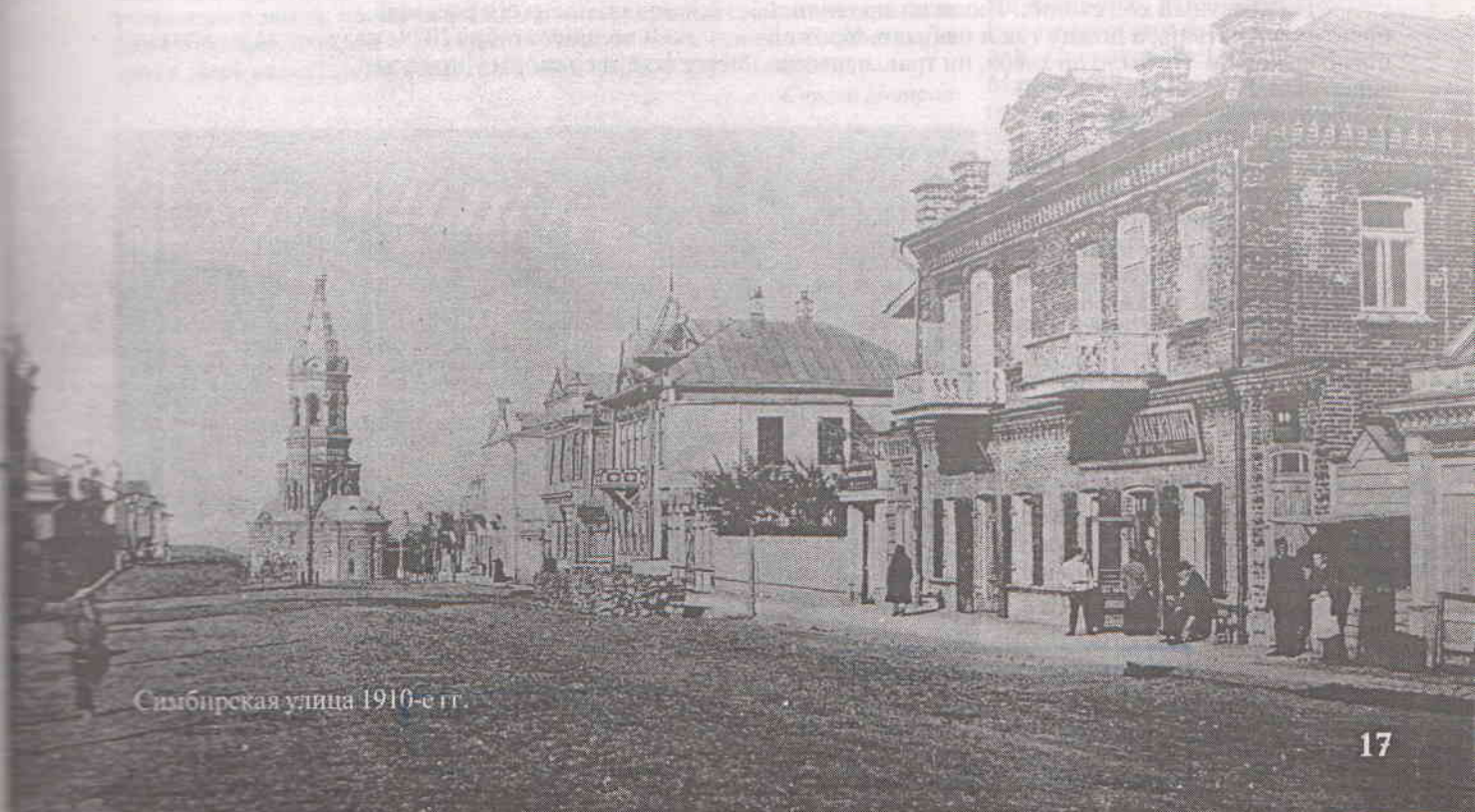
Рядом с домом, в котором мы жили, на перекрестке Симбирской и Заведенской улиц, в центре их пересечения, на середине дороги стоял высокий столб с фонарем наверху. Я любил смотреть, когда по вечерам в наступающих сумерках к столбу

приходил человек и с помощью веревки спускал фонарь, наливал в него керосин, зажигал и поднимал фонарь на самый верх столба. Так тогда освещался город.

Напротив нашего двора, на углу Симбирской и Заведенской улиц, были расположены дом и лавка Гордеевых, а во дворе у них находилась пекарня. В 1918 году к воротам гордеевского дома подъезжала грузовая автомашина, вызывавшая удивление. Странная телега едет сама, без лошади! Такого еще никто не видывал. С толпой ребятишек я вертелся около грузовика. А когда он, нагруженный караваями хлеба, трогался в путь, мы пытались его догнать, но он быстро разочаровывал нас в этих надеждах.

Дом, в котором мы одно время жили, находился недалеко от базарной площади. Здесь раз в год в начале сентября проводились ярмарки, на которые я ходил с удовольствием. Они меня привлекали каруселями и балаганами. В балагане я не бывал, так как для этого нужны были деньги. А на карусели, хотя и очень редко, но доводилось кататься. Меня очень занимали богатые стеклярусные украшения карусели, красочные и сверкающие. Нравилась деревянные, резной работы кони со стеклянными глазами и с хвостами из настоящего конского волоса... Иногда вдруг раздавался неистовый крик и визг. Это клоуны-зазывалы, отчаянно и смешно размалеванные, в невиданных костюмах, расхваливали представление в балагане, куда народ валил валом. И я бежал к балагану, чтобы посмотреть на этих зазывал.

Кажется, в 1926 году в Алатырь прилетело звено из трех самолетов, чтобы произвести

Симбирская улица 1916-е гг.

аэрофотосъемки лесов. Самолеты были небольшие, бипланы. Аэродрома тогда, конечно, никакого не было, и самолеты разместились на Стрелке – ровной возвышенности за южной окраиной города, ныне застроенной жилыми пятиэтажными домами. Появление самолетов произвело такую сенсацию, такой переполох, которые невозможно передать. Люди бросали все свои дела и бежали на Стрелку, стекаясь в толпы, окружавшие диковинные машины. От натиска любопытных была организована специальная охрана самолетов, к которым не допускали зевак.

Тогда я несколько раз бежал на стрелку. Люди смотрели на самолеты, смотрели на них в полете и, пораженные, глядя друг на друга, покачивали головами и разводили руками. Это казалось чудом.

Лето 1921 года было страшно засушливым. В июне из Алатыря в Промзину к Николе Угоднику собрался громадный крестный ход – молить его о даровании дождя. Тысячи людей, иконы, хоругви, священники в ризах с хором – все это огромной процессией двинулось из Алатыря, нисовой дорогой к Промзину. Мама не могла упустить такой «оказии» и, прихватив меня, девятилетнего, тоже пошла с крестным ходом. А до Промзина по этой дороге – более сорока верст. К Николиной горе подходили через лес. На самом ее верху стояла кирпичная часовня с чудотворной иконой, изображавшей Николу Мирликийского в ризе с мечом в одной руке. А на ладони другой руки он держал церковь. Икона была большая, рельефная, резаная из камня и потом раскрашенная... Обычай восхождения был таков: чем больше грехов чувствовал на себе человек, тем больше он должен был набрать камней у подножия горы и подниматься с ними на гору, на которую и без камней по такой крутизне подняться было нелегко. Сколько мама брала с собой камней и брала ли – не знаю. Я же карабкался по склону без камней.

Но крестный ход сходил. Люди возвратились обратно в Алатырь, а дождя так и не было. Урожай погиб на корню. Не было ни хлеба, ни травы, ни сена животным. Разразился ужасный голод, охвативший все губернии Поволжья. Умирали люди, гибли животные. Осенью 1921 года в Алатыре, как и в других местах, были организованы столовые для голодающих. Столовые эти назывались американскими. Или еще их называли «АРА». Советское правительство за эту помощь платило чистым золотом. Я тогда учился во втором классе. Нас после уроков иногда водили в столовую, где давали фасолевый суп, жирную рисовую кашу и стакан сладкого ароматного какао с удивительно белым хлебом. Как же это было вкусно! Но таких счастливых дней я помню не много.

Осенью 1925 года я пошел учиться в первый класс школы

2-й ступени, которая несколько позже получила имя Л.Б. Красина. Учителем рисования у нас был Николай Александрович Каменьщиков – один из самых интересных людей моей юности. Он оставил о себе светлую и благородную память в сердцах всех, знавших его. В последствии он был награжден орденом Ленина и получил звание заслуженного учителя Чувашской АССР. Каменьщиков был не просто учителем рисования и талантливым художником. Это был интеллигент-энтузиаст, первый пропагандист изобразительного искусства, организатор и устроитель многочисленных художественных выставок, на которых, в частности, экспонировались работы симбирских художников Д.И. Архангельского и П.И. Пузыревского.

Я был учеником Николая Александровича в 1925-29 гг. Каменьщиков считал меня способным учеником и ставил мне высокие оценки. Я часто встречался с ним не только на уроках в школе, но и у него дома. Николай Александрович показывал мне свои работы – картины и этюды, прекрасные литографии парижской, дрезденской, миланской печати, русские литографии. В школе у Каменьщикова тогда было три «выдающихся» ученика: Володя Мичурин, Степа Скрябин и я. Наиболее даровитым был Володя. Он был лет на пять старше меня. Рисовал и писал маслом отлично. Потом Володя учился в Ленингаде, в Академии Художеств. Впоследствии он стал жертвой культа личности Сталина. Степан Скрябин был года на три-четыре старше меня. Он хорошо рисовал, писал акварели. Степан окончил какое-то художественное учебное заведение и переехал в Чебоксары, где стал заслуженным художником Чувашской АССР. Весной 1929 года, перед самым концом нашей учебы, Николай Александрович посвятил не рисованию, а рассказам об истории русского искусства. Прошедшие с той поры годы не изгладили из моей памяти всей яркости и эмоциональности его рассказа.

В конце сентября 1929 года я уехал из Алатыря и расстался со своим учителем.

Алатырская школа № 6,
где учился А.Н. Блохинцев